

писанные «птичьим наречием» и те, материалом для которых послужило слово.

Учение А. Туфанова о подвижном звуке является своеобразным аналитическим ключом, при помощи которого обнаруживается механизм суггестивного воздействия лирического текста на реципиента.

Примечания

- ¹ Дионисий Галикарнасский. О сочетании имен // Античные теории языка и стиля / Под ред. О. М. Фрейденберг. СПб., 1996. С. 224.
- ² Крусанов А. А. В. Туфанов: архангельский период (1918–1919 гг.) // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 92–108.
- ³ Крусанов А. Вверх марашками // Новая русская книга. — 2001. — № 3–4. — Режим доступа: <http://www.guelman.ru/slava/nrk/nrk9/09.html>
- ⁴ Черняков А. Н. Заумь как лингвистический феномен // Исследования о русском авангарде. — Режим доступа: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ff/c_zaum.htm.
- ⁵ Черняков А. Н. Там же.
- ⁶ Туфанов А. В. К зауми. Стихи и исследование согласных фонем. СПб., 1924. С. 25.
- ⁷ Там же. С. 26.
- ⁸ Бирюкова С. С., Бирюков С. Е. Проективные теории русского авангарда: музыкально-поэтический аспект // Режим доступа: http://uchcom.botik.ru/az/lit/coll/ontolog1/14_biruk.htm
- ⁹ Туфанов А. В. К зауми... С. 26.
- ¹⁰ Бобров С. П. Звуковая поэзия // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2-х т. Т. 1. А–П. М.; Л.: Изд-во Френкель, 1925. С. 266.
- ¹¹ Вейдле В. О поэтической речи // Новый журнал. 1971. Кн. 103. С. 53.
- ¹² Туфанов А. В. К зауми... С. 36.
- ¹³ Туфанов А. В. К зауми... С. 35.

Эльмира Александрова
(Санкт-Петербург)

«Негодяи» Газданова в свете героев Достоевского

В статье 1964 г. «О Чехове», ссылаясь на слова Н. Н. Страхова, Газданов утверждал, что «Достоевский был чем-то вроде соединения Федора Павловича Карамазова со Свидригайловым»¹. Позднее, в 1967 г., в письме к Г. В. Адамовичу писатель снова солидаризировался с теми же словами критика: «Страхов когда-то писал, что Достоевский это смесь Федора Павловича Карамазова со Свидригайловым. Если к этому прибавить Смердякова, то портрет получится еще полнее, я думаю. Все это не мешает тому, что Достоевский — один из немногих гениев в литературе и что он понял то, что не поняли и увидели другие»². Означает ли это, что для Газданова образ Достоевского складывался из совокупности его героев (причем героев «отрицательных»)? Почему Газданов, признававший гениальность Достоевского, говоря о личности писателя, называет в основном именно таких героев? Наконец, каким образом это весьма «критическое» отношение к Достоевскому отражается в творчестве самого Газданова?

Уже отмечалось, что в рассказе Газданова «Черные лебеди» «фактически Достоевский приравнивается к собственному персонажу»³. В романе «Вечер у Клэр» Достоевский пародийно присутствует в образах сразу нескольких персонажей: через намеки, отсылки к его героям в романе намечен образ самого Достоевского. Слово «негодяй» впервые здесь произносит дядя Виталий: «И в результате ты окажешься в дураках. Впрочем, ты все равно окажешься в дураках <...>. Непременно окажешься. Все оказываются. <...> И я сижу в дураках, хотя предпочел бы быть в другом положении». На вопрос племянника: «А что же делать?» — Виталий резко отвечает: «Быть негодяем» (I, 110). В дальнейшем развитии повествования тема «негодяев» получает свое наглядное воплощение в целом ряде образов. Оказавшись на фронте, герой-рассказчик встречается с целой галереей «бронепоездных негодяев» (I, 130). Один из них, Валентин Александрович Воробьев, отмечен чертами сразу нескольких героев Достоевского. В частности, о нем сказано: «Как большинство пожилых уже негодяев, он был чрезвычайно *благообразен*» (I, 130; здесь и далее курсив мой — Э. А.). В рассказе «Черные лебеди» эпитетом «благообразный» пользуется самоубийца

Павлов. Отвечая на вопрос «молодого поэта»: «Что вы думаете о Достоевском?» — Павлов говорит: «Если бы он был немного *благообразнее*, он поступил бы на содержание к старой купчихе» (III, 138). В комментариях к рассказу «Черные лебеди» отмечено, что «благообразие» — «термин» самого Достоевского, «множественно используемый в последних романах (особенно в “Подростке”»)»⁴ (III, 802).

Действительно, в романе «Подросток» это слово употребляется шестнадцать раз⁵. Смысл понятия раскрывается в эпизодах, связанных с образом Макара Ивановича. Будучи уже тяжело больным, старик произносит перед собравшимся вокруг него семейством: «И еще скажу: *благообразия* не имеют <...>; а жить без бога — одна лишь мука. И выходит, что чем освещаемся, то самое и проклинаяем, а и сами того не ведаем» (13, 302). Фраза Макара Ивановича вызывает у Аркадия немедленный отклик: «Макар Иванович, вы опять употребили слово “*благообразия*”, а я как раз вчера и все дни этим словом мучился... да и всю жизнь мою мучился, только прежде не знал о чем» (13, 305). В трактовке Аркадия «благообразие» становится синонимом внутренней чистоты: «Прежде всего привлекало в нем (в Макаре Ивановиче — Э. А.) <...> его чрезвычайное чистосердечие и отсутствие малейшего самолюбия; предчувствовалось почти безгрешное сердце. Было «веселие» сердца, а потому и «*благообразия*»» (13, 308–309). Аркадия влечет к Макару Ивановичу: «Я вам рад. Я, может быть, вас давно ожидал. Я их никого не люблю: у них нет *благообразия*... Я за ними не пойду, я не знаю, куда я пойду, я с вами пойду...» (13, 291). «Благообразие» становится для подростка некой «идеей фикс», идеалом: «... с этой минуты я ищу “*благообразия*”, а у них его нет, и за то я оставляю их» (13, 291).

Однако при этом «благообразие» зачастую соседствует у героев Достоевского с пороком, даже с подлостью. Вспоминая свой сон о «выкупе за документ», а также о своем «бесстыдном» желании по отношению к Катерине Николаевне, Аркадий рассуждает: «Жажда *благообразия* была в высшей мере, <...> но каким образом она могла сочетаться с другими, уж бог знает какими, жаждями — это для меня тайна. Да и всегда было тайною, и я тысячу раз дивился на эту способность человека (и, кажется, русского человека по преимуществу) лелеять в душе своей высочайший идеал рядом с величайшею подлостью, и все совершенно искренно. Широко ли это особенная в русском человеке, которая его далеко поведет, или просто подлость — вот вопрос!» (13, 307). После разговора с Ламбертом о возможности женитьбы на Катерине Николаевне Аркадий рассуждает: «...при всех клятвах и обещаниях возродиться к лучшему и искать *благообразия*, я мог тог-

да так легко упасть и в такую грязь!» (13, 360). Версолов в разговоре с сыном утверждает: «...у нас есть дети, уже с детства задумывающиеся над своей семьей, оскорбленные *неблагообразием* отцов своих и среды своей <...>, все это потому, что они слишком рано завидуют <...>. Беда этим существам <...> с страстной, слишком ранней и почти мстительной жадой *благообразия*, именно — “мстительной”» (13, 373). Бывший воспитатель Аркадия в Москве, Николай Семенович, отвечает на посланную ему героем рукопись: «Но это желание беспорядка <...> происходит <...> от затаенной жажды порядка и “*благообразия*” (употребляю ваше слово)?» (13, 453).

У Газданова представлен пародийно сниженный вариант героя. «Благообразие» Воробьева заключается в том, что он «носил *пушистую бороду*, которую бережно расчесывал» (I, 130). Ранее, очерчивая круг своего детского чтения, рассказчик акцентирует внимание на портрете Достоевского в книге: «Я тогда много читал; помню *портрет Достоевского* на первом томе его сочинений. Эту книгу у меня отобрали и спрятали; но я разбил стеклянную дверцу шкафа и из множества книг вытащил именно том с *портретом*» (I, 51). В издании собрания сочинений Достоевского, о котором идет речь (I, 673), помещена гравюра В. А. Боброва (1883), на которой Достоевский изображен обладателем пресловутой «пушистой бороды». У Газданова есть еще один бородатый герой, который уже напрямую соотносится с Достоевским. Это герой романа «Ночные дороги», сослуживец героя-рассказчика, «высокий *чернобородый* человек»; в его «*бороде* всегда застревали железные стружки, так же, как в спутанных волосах», «он вообще был похож на один из *портретов Достоевского*, который, кстати сказать, *был его любимым автором*» (I, 487). В обоих примерах, помимо явного указания на пристрастное отношение к творчеству писателя, прослеживается прямая визуализация образа Достоевского посредством отсылки к его портрету.

Если говорить о героях Достоевского, то Воробьев напоминает, прежде всего, Федора Павловича Карамазова. Зачисление его в особый тип людей: «...тип *отъявленного мерзавца* был доведен в нем до конца»⁶ (I, 130), — возможно, аллюзия на «Братьев Карамазовых». Федор Павлович «был *странный тип*, <...> именно *тип человека не только дрянного и развратного*, но вместе с тем и бестолкового» (14, 7). Определение Воробьева как «негодяя» также не выходит за пределы языка Достоевского. В романе «Братья Карамазовы» «негодяй» — характеристика, которую часто использует Иван Карамазов: трижды он называет «негодяем» Смердякова (14, 242, 244; 15, 53), один раз говорит так о Дмитрие (15, 39), один раз обращается подобным образом к черту (15, 80). Примеча-

тельно, что в «Вечере у Клэр» этим маркером отмечен целый ряд героев, так называемых, «бронепоездных негодяев» (I, 130).

Параллель Воробьев — Федор Карамазов выстраивается через подчеркивание Газдановым развратности героя: «Кажется, этого человека очень любили женщины, он жил со всеми служанками и подметальщицами, которые находились в его подчинении» (I, 130). У Достоевского Федор Павлович — «сладострастнейший человек», «в один миг готовый прильнуть к какой угодно юбке, только бы та его поманила»; «порочный любитель лишь грубой женской красоты», «развратный человек», который «завел <...> целый гарем», а «дом свой обратил в развратный вертеп»⁷ (14, 8–13). В возрастном отношении Воробьев, «пожилой уже негодяй» (I, 130), также близок к Федору Павловичу⁸. Связь между двумя этими героями достаточно явная, определенно рассчитанная на узнавание, между героями не обнаруживается существенных различий. Здесь можно говорить о «подсветке» образа через его соотнесение с узнаваемым литературным прототипом⁹.

Воробьев отмечен также чертами Мармеладова. Газданов отмечает в нем пристрастие к «зеленому змию»: «...вечерами, лежа на своей койке с побледневшим от пьянства лицом и мутными, печальными глазами...» (I, 131). Ср. изображение Мармеладова у Достоевского: «...с отекившим от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом и с припухшими веками, из-за которых сияли крошечные, как щелочки, но одушевленные красноватые глазки» (6, 12). Как и Достоевский, Газданов обращает внимание на глаза своего героя, в которых еще осталась доля человечности.

Находясь в состоянии опьянения, и Воробьев, и Мармеладов начинают «жаловаться на жизнь». Интонации Мармеладова угадываются в излияниях Воробьева перед сослуживцами: «Господи, мне бы домой; у меня жена, ребяткишки маленькие спрашивают: где папа? <...> Что я детям скажу? <...> Одно вот утешение: приедем в Александровск, приду к жене ночью, неожиданно. Скажу: заждалась, милая? А я вот он» (I, 131). В монологе Мармеладова также фигурирует семья (жена и маленькие дети), дом как место, «где бы его пожалели»: «О, если б она (Катерина Ивановна — Э. А.) пожалела меня! Милостивый государь, милостивый государь, ведь надобно же, чтоб у всякого человека было хоть одно такое место, где бы и его пожалели!» И далее: «Детей же маленьких у нас трое <...>. Вдовой уже взял ее, с троими детьми, мал мала меньше» (6, 14–16).

И все же позиция Воробьева полярно противоположна по отношению к позиции Мармеладова. Воробьев взывает к жалости собеседников

«чуть ли не со слезами», при этом не имея никаких прав жаловаться: «Боже мой! <...> Какая обстановка! <...> Да я-то тут при чем? Кому какое зло сделал? За что все это? <...> Где мое оправдание?» (I, 131). У Достоевского исповедь Мармеладова носит характер самобичевания: «Да! меня жалеть не за что! Меня распяты надо, распяты на кресте, а не жалеть! Но распни, судия, распни и, распяв, пожалей его! И тогда я сам к тебе пойду на пропятие, ибо не веселья жажду, а скорби и слез!...» (6, 20–21).

Пошлость и фразерство Воробьева подчеркивается тем, что фразу об «оправдании» произносит он сам: «Где мое оправдание?» (I, 131). У Достоевского же пассаж об «оправдании» Мармеладова принадлежит нарратору: «...в пьющей компании они и стараются всегда как будто хлопотать себе *оправдание*» (6, 13–14). Кроме того, неоднократное повторение Воробьевым своих причитаний «в духе Мармеладова» практически слово в слово после каждой станции объясняется самим героем особенностями железнодорожной службы: «в каждом городе жена»¹⁰ (I, 131–132). Это также способствует развенчанию образа «страдальца».

Характер соотношения образов Воробьева и Мармеладова можно определить как криптопародию¹¹. Связь между этими героями обладает меньшей степенью очевидности, носит скрытый характер. При сопоставлении образов выявляются существенные различия. Воробьев — это как будто «вывороченный наизнанку» Мармеладов. Если у Достоевского Мармеладов — это падший человек, которому можно посочувствовать, то у Газданова Воробьев — просто циник, пользующийся некоторыми фразами, конструкциями, интонациями Мармеладова. Возможно, это оказывается своеобразной формой полемической интерпретации Достоевского. Получается, что, по Газданову — как известно, смолodu отличавшемуся резкостью суждений и непримиримостью оценок, — в реальной жизни Мармеладовы именно таковы, сочувствия они не заслуживают.

Перечисление «воровских» склонностей Воробьева при его же «чрезвычайном благообразии» можно воспринимать как аллюзию на дебатруемую в «Идиоте» тему: «может ли честный человек быть вором?» Подобное преломление темы воровства получает свое развитие и в рассказе Газданова «Черные лебеди». Анализируя это произведение, С. А. Кибальник отмечает, что слова Павлова о том, что он «раньше был вором» и что «большинство людей воры», заимствованы им «из репертуара Фердыщенко»¹², утверждавшего что «на свете гораздо больше воров, чем неворов, и что нет даже такого самого честного человека, который бы хоть раз в жизни чего-нибудь не украл» (8, 123).

Некоторые параллели выявляются и между Воробьевым и Фердыщенко. О Воробьеве сказано, что он мог «обокрасть *своего же соседа*», украл у рассказчика, *своего сослуживца*, «коробку с тысячью папирос» (I, 130). Фердыщенко же рассказывает о том, как украл деньги в доме *своего приятеля* Ищенко. Некоторое сходство героев проявляется и в их отношении к женщине. Когда одна из «*служанок и подметальщиц*» бронепоезда отвергла Воробьева, то тот «написал на нее донос, обвинив ее в социализме» (I, 130). Женщину арестовали и отправили по этапу. У Достоевского в краже, которую совершил Фердыщенко, обвинили служанку Дарью. Женщину «согнали на другой же день» (8, 124). Фердыщенко признается, что «особенного угрызения совести <...> ни тогда, ни потом не чувствовал» и даже сам убеждал служанку, чтобы та «повинилась» (8, 124). При всей разности ситуаций все же просматриваются общие моменты — ложное обвинение и незаслуженное наказание женщины.

Газданов так описывает «деятельность» своего героя: «Воробьев занимался тем, что воровал в соседних товарных составах сахар и мануфактуру, а однажды ухитрился, маневрируя ночью на паровозе, увести из поезда генерала Трясунова, командующего фронтом, новенький желтый вагон второго класса» (I, 131). В «Идиоте» генерал Епанчин рассказывает о своем денщике Никифоре, который в заботах о хозяйстве «копил, зашивал, скреб и чистил, и даже *везде воровал все, что мог стянуть, чтобы только в доме приумножить*» (8, 125). В поступках Воробьева прослеживается некоторое сходство с «деятельностью» Никифора. Однако у Достоевского Епанчин прибавляет к своей характеристике Никифора: «...*вернейший и честнейший* был человек» (8, 125). У Газданова же Воробьев, наоборот, — «потенциальный» предатель: «Он мог подвести товарища под суд <...> и, уж конечно, в трудных обстоятельствах выдал бы всех» (I, 130–131). Таким образом, по Газданову, по-настоящему честный человек не может быть вором. Происходит ироническое переосмысление идеи «честного воровства»¹³. Примечательно, что и в этом, так сказать, «умении» Воробьева улучшить свое материальное благосостояние проявляются черты Федора Павловича Карамазова, который был из того типа «бестолковых, которые умеют отлично обделывать свои имущественные делишки, и только, кажется, одни эти» (14, 7).

В образе Воробьева интересное преломление получает «железнодорожная» тема¹⁴. О герое сказано, что он «бывший начальник какой-то маленькой железнодорожной станции» (I, 130). В «Идиоте» Лебедев, толкуя Апокалипсис, признает «звезду Полюнь», замутнившую «ис-

точники жизни на земле», сетью железных дорог, распространившихся по Европе (8, 309). На это Ганя, в сильном раздражении, отвечает: «Выходит, по-вашему, что железные дороги прокляты, что они гибель человечеству, что они язва, упавшая на землю, чтобы замутить “источники жизни”?»¹⁵ (8, 310). Должно быть, не случайно Газданов делает «бронепоездного негодяя» Воробьева причастным к железнодорожной службе и в мирное время¹⁶.

Размышления героя-рассказчика о том, «почему женщины нередко отдают предпочтение негодьям», приводят его к мысли, «что негодяй более индивидуален, чем средний человек; в негодяе есть что-то, чего нет в других, <...> каждое, или почти каждое, качество, доведенное до последней своей степени, перестает рассматриваться как *обыкновенное свойство человека и приобретает притягательную силу исключительности*. <...> *Женщины любили палачей*; и исторические преступления, совершенные сотни лет тому назад, до сих пор не утеряли для них своего волнующего интереса, и почему не предположить, что Воробьев — это *миниатюра грандиозных преступлений?*» (I, 130–131). Пассаж отсылает читателя уже к роману «Преступление и наказание»; здесь в полной мере проступает философия Раскольникова с его делением людей на разряды: «обыкновенные» и «необыкновенные»¹⁷.

Наделяя Воробьева чертами героев Достоевского, включая в свой текст отсылки к различным его произведениям, Газданов, с одной стороны, как будто «облегчает себе задачу», отчасти пользуясь при создании своего образа уже готовым материалом. С другой стороны, этот метод дает ему возможность выразить свое отношение к жизни через стилизацию и пародирование образов Достоевского¹⁸. Воссоздавая в образе Воробьева «миниатюру грандиозного», Газданов в действительности рисует убогого, жалкого «негодяя», отнюдь не наделенного какими бы то ни было «исключительными» качествами. Этот сниженный, полемический по отношению к Достоевскому образ оказывается для Газданова своеобразным «орудием борьбы» с ним.

Еще одним своего рода «бронепоездным негодяем» можно с определенными оговорками считать Копчика: «Но *самым удивительным человеком*, которого я видел на войне, был солдат Копчик, внешнее отличие которого заключалось в его *непобедимой лени*. Он *ненавидел всякую работу, все делал с величайшим трудом и вздохами* <...>. Он всегда жил, как-то *скрываясь*»¹⁹ (I, 133). Отдаленно Копчик напоминает «подпольного человека» Достоевского, одной из основных черт которого является его «сознательная инерция» (5, 121): «...*инерция задавила*.

Ведь прямой, законный, непосредственный плод сознания — это *инерция*, то есть *сознательное сложа-руки-сиденье*» (5, 108); «...мне скучно, а я *постоянно ничего не делаю*» (5, 123). Герой рассуждает: «О, если бы я *ничего не делал* только из лени. Господи, как бы я тогда себя уважал. Уважал бы именно потому, что хоть *лень* я в состоянии иметь в себе <...>. Вопрос: кто такой? Ответ: *лентяй*; да ведь это неприятно было бы слышать о себе. <...> “*Лентяй!*” — да ведь это званье и назначение, это карьера-с» (5, 109). В пассаже Газданова о Копчике это свойство подпольного человека выведено в гипертрофированном виде. Копчик становится как бы реализацией «мечтаний» героя «Записок из подполья»²⁰.

Оба героя уходят от реальной жизни «в мечты». О Копчике сказано: «...что работа мешала ему жить в праздности и *мечтать* — что он любил больше всего на свете, это он знал превосходно» (I, 133–134). Герой Достоевского признается: «Мечтал я ужасно, мечтал по три месяца сряду, забившись в свой угол» (5, 132). Герой-рассказчик «Вечера у Клэр» недоумевает о предмете мечтаний сослуживца-сибарита: «Я не знал, способен ли Копчик совершить хоть ничтожный поступок, но который бы каким-нибудь образом показал, что он думает, чем он живет и что составляет предмет его долгих размышлений, наполняющих обычное его безделье»²¹ (I, 134). У подпольного же человека Достоевского предмет мечтаний, на первый взгляд, вполне определен: героические подвиги, любовь, капитал и пр. Однако при этом герой Достоевского — человек страдающий, неудовлетворенный своим положением²²: «Конец концов, господа: лучше ничего не делать! Лучше сознательная инерция! Итак, да здравствует подполье! <...> Эх! да ведь я и тут вру! Вру, потому что сам знаю, как дважды два, что вовсе не подполье лучше, а что-то другое, совсем другое, которого я жажду, но которого никак не найду! К черту подполье!» (5, 121). Подвергая позицию «подпольного человека» пародийному переосмыслению, Газданов выводит в своем герое тип крайне сниженного, опрошенного «мечтателя», которого совершенно устраивает его положение и который всеми силами старается его сохранить. Газдановский персонаж даже не способен испытывать чувство страха: «Лень этого солдата была в нем неизмеримо сильнее, нежели страх смерти, — потому, что смысла опасности он до конца не понимал» (I, 133).

При этом Копчик наделяется Газдановым некими «нечеловеческими» чертами. После истории Копчика о водяном, которую он рассказал смертельно раненному наводчику, чтобы «приободрить»²³, герой-рассказчик признается: «...у меня стало *странно на душе и смутно*

<...>: было в этом солдате *что-то нечеловеческое и нехорошее*, что я хотел бы не знать» (I, 134). Это «нечеловеческое и нехорошее» можно воспринимать как аллюзию на «демоническую» сторону человека, мастерски запечатленную Достоевским²⁴, а ремарка героя-рассказчика: «...что я хотел бы не знать» — в какой-то степени выражает общую позицию Газданова по отношению к этому писателю. В Копчике можно видеть снижающую криптопародию на «подпольного человека»: объект пародии не назван, но постоянно присутствует в тексте посредством скрытых отсылок и обнаруживается лишь с помощью специального анализа.

В выявленных сущностных различиях между героями проявляется разница эстетических позиций Газданова и Достоевского. По Достоевскому, писатель должен все видеть, заглядывать во все тайные уголки человеческой души. С точки зрения Газданова, в человеке есть такие стороны, такие внутренние противоречия, в которые писателю не следует углубляться. Полемически интерпретируя идею Достоевского о «широкости» русского человека, в котором могут одновременно «уживаться» «благообразие» и порок, «воровство» и честность и пр., в своих «негодях»²⁵ Газданов выводит крайне упрощенных, односторонних людей, а вовсе не исключительных личностей. «Негодяи» Газданова отмечены чертами героев Достоевского, но при этом в их характеристике снята нота трагичности, нет накала страстей. Характер газдановской интерпретации тем, поднятых в творчестве Достоевского, во многом объясняет то, почему Газданову оказался так близок Шестов²⁶, цитирующий в своей книге письмо Страхова: «...все его (Достоевского — Э. А.) романы <...> доказывают, что в человеке могут ужиться с благородством всякие мерзости»²⁷.

Связи между героями Газданова и Достоевского проступают с разной степенью очевидности: Воробьев «подсвечен» образом Федора Павловича Карамазова; связь «Воробьев — Мармеладов» носит криптопародийный характер; Копчик предстает как пародийное воплощение идеала «подпольного человека» и т. д. Газданов активно использует образы Достоевского, но в то же время пародирует их, вступая тем самым в полемику с их создателем. В этом проявляется попытка Газданова «развенчать» Достоевского, в которой он был отнюдь не одинок в эмигрантской литературе²⁸. При этом особое его внимание привлекают именно те образы, с которыми Н. Н. Страхов, разумеется, без всяких оснований, сблизил самого писателя: «Достоевский — это смесь Федора Павловича Карамазова со Свидригайловым».

Примечания

- ¹ Газданов Г. О Чехове // Вопросы литературы. 1993. Вып. 3. С. 315; впервые: Новый журнал. Нью-Йорк, 1964. Т. 76.
- ² Газданов Г. Письмо к Г. В. Адамовичу от 28 сентября 1967 г. // Возвращение Гайто Газданова. М., 2000. С. 297.
- ³ Газданов Г. Собр. соч.: в 3 т. М., 1996. Т. 3. С. 802. Далее ссылки на это издание (М., 1996. Т. 1–3) приводятся в тексте с указанием номера тома римской цифрой и номера страницы — арабской.
- ⁴ В романе «Идиот» этот эпитет употреблен в отношении служанки матери Рогожина: «старенькая, *благообразная* служанка» (8, 495). В «Бесах» он использован применительно к Ставрогину: «Это был самый изящный джентльмен <...>, державший себя так, как мог держать себя только господин, привыкший к самому утонченному *благообразию*» (10, 37). В «Братьях Карамазовых» Зосима употребляет этот эпитет в отношении своего старшего брата Маркела: тот лицом был «весьма *благообразен*» (14, 261). В житии старца также упоминается «один *благообразный* юноша» (14, 267), птицелов, которого Зосима повстречал в юности, собирая подаяние на монастырь.
- ⁵ Впервые этот эпитет применен по отношению к самоубийце Крафту. После самоубийства между Аркадием и Васиным происходит разговор по поводу дневника покойного. Аркадий просит Васина припомнить последние записи из дневника. Васин вспоминает, что Крафт передумал «выпить рюмку» перед выстрелом, «побоявшись излишнего кровоизлияния», и добавляет: «Между тем факт известен, что очень многие из тех, которые в силах думать о своей предстоящей смерти, самовольной или нет, весьма часто склонны заботиться о *благообразии* вида, в каком останется их труп» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 13. С. 134. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы арабскими цифрами). В сходном контексте эпитет «*благообразный*» употреблен в эпизоде смерти Макара Ивановича. Возвратившись от гроба покойного, Аркадий восхищенно говорит матери: «Какой спокойный, *благообразный* лик у него, мама!» (13, 392).
- ⁶ В рассказе «Черные лебеди» главный герой, самоубийца Павлов, озвучивает, с его точки зрения, «самое существенное качество» Достоевского: он «мерзавец» (III, 138–139). Рассказ был написан вскоре после выхода в свет романа «Вечер у Клэр» (III, 801).
- ⁷ «Развратником, шутом и *негодяем*» называл Федора Павловича Карамазова и сам Газданов. См.: Газданов Г. <О негласной иерархии в обществе и тенденциозности в литературе> // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. М., 2005. С. 238.
- ⁸ Развратность Воробьева позволяет соотнести его со Свидригайловым. Интересно, что он же был человек «уже *немолодой*, <...> с *густою*, светлою, почти белою *бородой*...» (6, 214). Газданов также отмечает, что Воробьев «...был очень *любезен в обращении*» (I, 130). О Свидригайлове сказано, что он, «...когда хотел, был человек с *весьма обворожительными манерами*» (6, 385).
- ⁹ За эту формулировку благодарю А. А. Долинина.
- ¹⁰ Между прочим, в ответ на причитания Воробьева сослуживцы с насмешкой замечают: «У тебя, брат, жена прямо клад. <...> Не жена, а *Богородица вездесущая*» (I, 132). У Достоевского Свидригайлов сам говорит Раскольникову о своей молодой невесте: «...у ней личико вроде Рафаэлевой *Мадонны*. <...> у *мадонны-то*, личико зарделось» (6, 369).
- ¹¹ Понятие «криптопародии» использовал Р. Г. Назиров в работе «Достоевский и Чехов: Преемственность и пародия» применительно к рассказу Чехова «Слова, слова и слова» (1883). Исследователь счел его снижающей криптопародией на вторую часть романа Достоевского «Записки из подполья». Чехов, по мнению Назирова, осмеивает «опошленную тему спасения падших женщин», дедраматизирует трагизм подполья (*Назирова Р. Г.* Русская классическая литература: (сравнительно-исторический подход). Уфа, 2005. С. 159–168).
- ¹² *Кибальник С. А.* Новые узоры по старой канве (римейки Достоевского у Газданова) // Достоевский: материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18. С. 247.
- ¹³ Однако и у Достоевского тема «честного вора» решается далеко не однозначно. В «Идиоте» она развивается посредством еще двух образов. Келлер, пришедший к князю Мышкину «на исповедь», чтобы после занять денег, «объявил, что он до того было потерял “всякий призрак нравственности” (единственно от безверия во всевышнего), что *даже воровал*» (8, 256). Генерал Иволгин, укравший у своего приятеля Фердыщенко бумажник, по предположению князя, умер от раскаяния за свой поступок. Есть у Достоевского и рассказ, уже самим своим названием отсылающий к данной теме, — «Честный вор» (1848).
- ¹⁴ О «железнодорожной» теме в «Вечере у Клэр» см.: *Яблоков Е. А.* Железный путь к площади Согласия: («железнодорожные мотивы» в романе «Вечер у Клэр» и в произведении Булгакова) // Газданов и мировая культура. Калининград, 2000. С. 148–174.
- ¹⁵ Исследователи так комментируют эпизод толкования Лебедевым Апокалипсиса: «Высказываясь против “научного и практического” настроения человечества XIX в., — настроения, символом которого являются железные дороги <...>, Лебедев отзывается на спор между А. И. Герценом и В. С. Печериным <...>. Солидаризируясь с <...> Печериным, Лебедев в романе выступает против герценовской веры во всеислие научного знания. Подобно Печерину он защищает религию как необходимую основу нравственной жизни общества» (9, 393). О «железнодорожной» теме в жизни и творчестве Достоевского см., например: *Волгин И.* Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 г. М., 2000. С. 611–614.
- ¹⁶ Ср., например ремарку В. Порудоминского, обратившегося к особенностям решения «железнодорожной» темы в творчестве Толстого: «В легенде “Разрушение ада и восстановление его” Толстой рассказывает, как Вельзевулу удастся восстановить ад, разрушенный учением Христа <...>. Адскому владыке помогают в этом дьяволы всех видов и ведомств <...>. Среди них и дьявол путей сообщения» (*Порудоминский В. О* Толстом. СПб., 2005. С. 227).
- ¹⁷ Примечательно упоминание Газдановым образа «Раскольникова, сравнивающего себя с Наполеоном» в программной статье 1964 г. «О Чехове» (*Газданов Г. О* Чехове. С. 314).
- ¹⁸ Ср.: *Кибальник С. А.* 1) Газдановский вариант Кармазина: (о пародийном изображении Тургенева в романе Газданова «Полет») // И. С. Тургенев: вчера, сего-

- дня, завтра. Орел, 2008. С. 126–133; 2) Роман Газданова «Полет» как гипертекст // Культура и текст: культурный смысл и коммуникативные стратегии. Барнаул, 2008. С. 44–55.
- ¹⁹ Некоторое сходство обнаруживается между Копчиком и героем «Записок из Мертвого дома», Сироткиным. Если Копчик назван «самым удивительным человеком» (I, 133), то о Сироткине сказано, что он «еще с первых дней <...> острожного житья <...> возбудил <...> особенное любопытство» (4, 38) Горячичкова. Как и Копчик, Сироткин раньше был солдатом и весьма тяготился службой: «Горько мне уж очень под конец по некрутству стало. <...> И так тошно, тошно мне стало!» (4, 39–40). Героев сближает также такое качество, как лень: Сироткин был «приметно ленив», «в нерабочее время он обыкновенно скитается по чужим казармам; все почти заняты своим делом, одному ему нечего делать» (4, 39).
- ²⁰ Р. Г. Назиров в работе «Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского» «мечтательство» героев Достоевского связывает с понятием «эстетического жизнотворчества»: «Достоевский придал романтической жажде иллюзии реалистическую мотивировку. Очень важно то, что эта особая порода добровольных безумцев <...> резко отличается от романтических энтузиастов весьма существенной чертой: она живет не ради искусства, а искусственно, т. е. сочиняя себе иллюзорную жизнь» (См.: Назиров Р. Г. Указ. соч. С. 134–149).
- ²¹ Эта абсолютная «непроницаемость» внутреннего мира героя также сближает его с Сироткиным, который был «довольно загадочное существо во многих отношениях <...>. О чем он мог думать, трудно было себе и представить» (4, 38–39). Наконец, о Копчике сказано: «...его небритый подбородок, слезящиеся глаза и вся фигура в обтрепанном и грязном френче и таких же штанах», со «свалившимися волосами» (I, 133–134). Сироткин также не отличается чистоплотностью: «...ходил неряхой» (4, 39).
- ²² Ср. слова самого Достоевского: «Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самонаказании, в сознании лучшего и в невозможности достичь его и, главное, в ярком убеждении этих несчастных, что и все таковы, а стало быть, не стоит и исправляться!» (16, 329).
- ²³ В этой истории о водяном Копчик трижды употребляет словосочетание «слабое сердце» (I, 134). Такое «навязчивое» повторение заставляет предположить, что фразу «слабое сердце» в устах «мечтателя» Копчика можно воспринимать как неатрибутированную аллюзию на повесть Достоевского «Слабое сердце», которая, как отмечают исследователи, продолжает и развивает «одну из главных существенных тем раннего творчества Достоевского — судьбы Мечтателя в обществе <...>. Наличие в человеческой природе каких-то не познаваемых самим человеком потребностей, стремлений, никак не укладывающихся в «рациональные» схемы счастья <...>, было чутко угадано Достоевским. «Слабые сердца» — это прежде всего сердца более тонкие, чувствительные, чуткие к этим глубинным потребностям, не осознаваемым сердцами сильными. Такая чуткость и ведет к саморазрушению, вот почему чуткое сердце оказывается слабым» (Достоевский Ф. М.: сочинения, письма, документы / Сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб., 2008. 172–173).
- ²⁴ О Петре Верховенском как «демоническом типе», сохранившем «ряд комических черт», см., напр., в работе Р. Г. Назирова «Петр Верховенский как эстет» (Назиров Р. Г. Указ. соч. С. 79–93).
- ²⁵ В галерею «бронепоездных негодяев» также входит студент Парамонов, «третий негодяй», который для того, чтобы не ездить на фронт, «втирал себе в рану масло, не давая ей таким образом заживляться» (I, 132).
- ²⁶ С. А. Кибальник отмечает, что мысль об автобиографичности персонажей Достоевского могла быть позаимствована Газдановым из книги Льва Шестова «На весах Иова» (Кибальник С. А.: 1) Газданов и Шестов // Русская литература. 2006. № 1. С. 218–226; 2) Новые узоры по старой канве. С. 242–243).
- ²⁷ Цит. по: Шестов Л. На весах Иова (странствования по душам). М.; Харьков, 2001. С. 116.
- ²⁸ «Развенчанием» Достоевского занимались И. А. Бунин, И. С. Лукаш, М. А. Алданов, В. Набоков и др. См. об этом: Долинин А. Истинная жизнь писателя Сиринина. СПб., 2004. С. 202–204. Также доклад: Шадурский В. В. «...Пусть признается кретин Достоевского»: идеи и образы Достоевского в творчестве Алданова // Достоевский и мировая культура: XXXIV междунар. чтения, посвящ. 188-летию со дня рожд. СПб. 11–14 нояб. 2009.